

Россия Владимира Кантора, или Судьба в борьбе с настоящим и будущим*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КАНТОР В. К. (2023). Россия как судьба. М.: Центр гуманитарных инициатив. — 524 с. ISBN 978-5-98712-932-6

Ренард Девликамов

Стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: ул. Старая Басманная, д. 21/4., Москва, 105066, Российская Федерация
E-mail: rdevlikamov@hse.ru

Новая книга Владимира Кантора «Россия как судьба» представляет собой сборник очерков и статей разных лет, тематически разбитых на пять глав и объединенных одной масштабной задачей, вынесенной в аннотацию: по мере сил хранить реальный смысл русской культуры. Из одной только формулировки авторской задачи следует, во-первых, что Кантору реальный смысл культуры доступен и, во-вторых, что этот смысл нуждается в защите. Уже на этапе знакомства с аннотацией возникает немало вопросов. Каким образом автору удалось открыть для себя смысл русской культуры? Почему он уверен, что найденный им смысл единственно реальный? От кого или от чего и для чего этот смысл нужно хранить? С первых страниц становится ясно, что Владимир Карлович, выпуская книгу, дарит читателю не просто пищу для ума, информацию к размышлению или очередную повод развить оторванную от жизни академическую полемику. «Россия как судьба» — приглашение к живой, до боли актуальной и потому небеспристрастной дискуссии о будущем страны и родной культуры.

В данной книге Владимир Кантор делится с читателями работами из пяти разных областей. В первой главе представлены культурфилософские штудии истории и классической литературы России. Вторая глава вводит читателя в круг проблем творчества Ф. М. Достоевского. Третья глава посвящена русской эмиграции. В четвертой главе Кантор делится воспоминаниями о своей семье и друзьях. А в последней главе собраны рецензии и отзывы на другие книги автора. Каждая статья и очерк сборника заслуживают отдельного внимательного и подробного рассмотрения, но такой анализ приблизился бы по объему к обсуждаемой книге (более пятисот страниц!) и, боюсь, превысил бы силы рецензента. Поэтому оставалось либо сосредоточиться на какой-нибудь одной теме, обсуждаемой в книге, но тогда грандиозный замысел автора был бы незаслуженно урезан, либо пуститься в рассуждения о правильном или неправильном, аргументированном или безоснова-

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

тельном понимании Кантором русской культуры и таким образом рискнуть потонуть в абстракциях и не сказать о книге ничего, кроме банальностей. К счастью, есть один важный (быть может, ключевой) для понимания авторской идеи концепт, вполне конкретный и в то же время целиком покрывающий, но не исчерпывающий пеструю проблематику всех очерков и статей Владимира Кантора. Собственно, этот концепт и лег в название книги — Россия как судьба. Его я и хочу здесь обсудить.

Прежде чем приступить к размышлениям над книгой, нужно хотя бы кратко воссоздать контекст, в который помещает себя сам автор, так как без этого интеллектуальная категоричность Кантора может быть сочтена доктринерством. Во вступительной части он прямо пишет о том, что необходимо преодолеть современный постмодернистский ценностный релятивизм, называемый им «двойничеством» мысли, приобретший со временем «обязательность марксистской догмы» (с. 9). Софизм, нигилизм, игры с симулякрами бесполезны для духовного развития общества. Чтобы произошел культурный рывок, необходимы *прямые смыслы*. Эмоциональный напор, с которым порой пишет Кантор², объясняется, с моей точки зрения, заявленным во вступлении стремлением прорвать силу Ничто, так глубоко засевшего в современной культуре, и заполнить интеллектуальную пустоту новыми прямыми смыслами. Книга «Россия как судьба» есть попытка воссоздания *утраченного* когда-то смысла.

Сразу заметим, что речь идет не о судьбе России, а о *такой разновидности судьбы, как Россия*. Владимир Кантор — автор христианский, он об этом пишет прямо, поэтому толковать понятие судьбы в данном случае нужно именно с точки зрения христианства. В философской энциклопедии читаем: «Христианство противопоставило идее судьбы веру в осмысленное действие “провидения”»³. Выходит, что христианский аналог судьбы предполагает — первое — веру человека и — второе — осмысленность действий Бога. Если учесть антитетичность философии Кантора, о которой очень точно написал А. К. Куликов⁴, то в его концепции неверие со стороны человека оборачивается бессмысленностью бытия. Получаем еще одну антитезу Кантора: или ты веришь в Россию как судьбу и живешь свободно, разумно (сразу вспоминаются бессмертные строки Тютчева о том, что в Россию можно только верить), или ты не веришь — и твоя жизнь превращается в разрушительный хаос. Так в какую такую Россию я должен поверить, чтобы не стать источником разрушительной силы?

2. См., например: Порус В. Н. (2008). Имперское сознание... после империи (размышления над книгой В. К. Кантора) // Вопросы философии. № 9. С. 125: «...рациональное рассуждение — форма, лишь отчасти сдерживающая поток эмоций. Это прямо относится к книге В. К. Кантора — философа и писателя».

3. Аверинцев С. С. (2010). Судьба // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль. С. 664.

4. Куликов А. К. (2022). Русская классика, или миф в борьбе с... мифом? // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. 6. № 3. С. 363: «Мышление Кантора чрезвычайно антитетично, оно все построено на жестких, непримиримых оппозициях... христианство противопоставляет язычеству, личность — общине и коллективизму, история — природной патриархальности, выходу в “неисторию”, Разум — мифу, Москва — Петербургу, империя — национализму, европеизм — антиевропеизму, Толстой — Гёте, Герцен — Чернышевскому и т. д.».

Сам Кантор не дает четкого определения тому, что он называет «Россией-судьбой». Но по прочтении книги, вопреки Тютчеву (будто умом Россию не понять), складывается представление о России как о типе культуры, основанной на Разуме, — эдаком идеале европейского Просвещения. Однако Разум — феномен индивидуальный, о чем пишет сам автор: «Коллективный разум есть изобретение тоталитарной идеологии, выросшей из первобытно-племенной психологии. Разум — достояние индивида» (с. 87). Множество индивидов, живущих разумно, могут составлять некоторую культурную целостность только при наличии связующей силы, так как один только разум не может выполнить функцию связи между разрозненными индивидами, поскольку запросто можно найти рациональную аргументацию даже для противоположных тезисов (показательный пример — антиномии чистого разума Канта). У Кантора объединяющей силой становится христианство, понятое в качестве наднационального типа культуры, защищающего такие идеалы, как личность, история, свобода, милосердие, и сдерживающего злое в человеке и человечестве. Например, восстание масс, тоталитаризм и — шире — бесовщину XX века он связывает именно с отказом от христианства как социального регулятора (с. 113).

Получается, что принятие «судьбы-России» требует от человека руководства разумом, ориентиры которому задают христианские ценности. Однако на страницах книги Кантора нет ничего о глубоком религиозном переживании; автор настаивает лишь на усвоении общечеловеческих ценностей, которые провозгласил Христос. В глазах читателей столь прагматичное толкование религии давно стало одним из главных объектов для критики. Вот пример практически идентичных по смыслу откликов на рассуждения Кантора о христианстве: «Знакомясь с такого рода, мягко говоря, излишне либеральными представлениями о христианстве, поневоле хочется задать автору знаменитый вопрос Ставрогина: “А в Бога, в Бога-то вы веруете?”⁵ Не в европейскую цивилизацию, оплодотворенную еврейской мудростью... а в Бога?» (Шукин, 2023: 454), или «...прочитав сотни страниц его книг, так и не можешь ответить на один простодушный вопрос: является ли сам Кантор христианином, а его философия — христианской? Иными словами, христианство для Кантора — цель или средство?»⁶. Действительно, христианские мотивы в книге Кантора создаютстораживающую неясность. С одной стороны, христианство им определяется как наднациональная культура, и, следовательно, она должна смягчать существующие межнациональные противоречия — и это, очевидно, хорошо. С другой стороны, сделать именно христианскую культуру связующей и регулирующей общественные отношения силой — значит рисковать оставить «за бортом» атеистов, агностиков или людей, исповедующих другие религии. Хотя, конечно, можно представить ситуацию, в которой есть какая-нибудь

5. Шукин В. Г. (2023). О книге «Судить Божью тварь. Пророческий пафос Достоевского» // Кантор В. К. Россия как судьба. М.: Центр гуманитарных инициатив. С. 454.

6. Куликов А. К. (2022). Русская классика, или миф в борьбе с... мифом? // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. 6. № 3. С. 367.

одна культурная доминанта, не ущемляющая возможностей других. Однако предлагать в качестве ведущей культурной парадигмы христианскую религию — дело весьма опасное и, боюсь, рискованное сегодня не найти отклик в умах или душах людей. Оттолкнувшись от знаменитых слов Теодора Адорно⁷, задам вопрос: как можно поверить в справедливого и благого Бога после Освенцима и ГУЛАГа?

Однако Владимир Кантор, несмотря на серьезные возражения, с которыми порой сталкиваются положения его философии, настаивает на их соответствии реальному смыслу русской культуры. Тот факт, что собранию написанных и опубликованных в разные годы статей он дал название «Россия как судьба», говорит о готовности автора «вынести в своем творчестве безмерную тяжесть жизни, преодолевая ее силой духа и мысли» (с. 12). Другими словами, Кантор не просто создал концепт «судьбы-России», он показал, как выдающиеся русские мыслители, в том числе и сам автор, своей жизнью пытались реализовать найденную в русской классике судьбу.

Эпиграфом из Анны Ахматовой Владимир Кантор не просто задает тон всей книге, он с первой страницы указывает на *героически высокие* требования к человеку, нашедшему в себе силы принять судьбу-Россию. Повторюсь — героические:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернялся скорбный дух.

Помимо героизма, Россия как судьба требует от человека сочетание свободы и жертвенности. Кантор с настойчивостью повторяет почти в каждой статье, что путь человека свободы — не с народом. Народ — это темная, непросвещенная, жестокая, языческая, ведомая, неблагодарная масса. Народ сам ничего не создает, только разрушает и убивает. Например, разрушает государство, а вместе с ним и культуру: «Именно мужик и сдал государство, пойдя за большевиками. Отступление на попроще ума чревато было гибелью государства» (с. 84). Да и Раскольников убивает старуху, «поддавшись народной психее, языческой магии, наваждению...» (с. 157). Выходит, что человеку, выбравшему судьбу-Россию, живущему разумно, по-христиански, пытающемуся создавать культуру,

7. Адорно Т. В. (2003). Негативная диалектика. М.: Научный мир. С. 327: «После Освенцима любая культура вместе с любой ее уничижительной критикой — всего лишь мусор».

ни в коем случае нельзя давать слабину перед народными массами, потому что любая победа толпы несет хаос и горе. Очевидно, что созидателей в сравнении с разрушителями ничтожно мало, и во времена, когда верх одерживают разрушители, человек, взваливший на свои плечи тяжелую судьбу-Россию, должен быть готов отдать за нее жизнь: «Путь человека свободы — путь на Голгофу, под пистолет Дантеса, в сибирскую каторгу, Освенцим, ГУЛАГ. Уже в первом явлении человека свободы именно народ отдал Его на распятие» (с. 71). Смелость и сила духа, воспетые Кантором, готовность своей жизнью отстоять высшие смыслы и идеалы вызывают неподдельное уважение. Но интеллектуальная категоричность, присущая автору, иногда не дает разглядеть ему полутона. Так, например, Владимир Кантор называет «подлым бегством из России постсоветских шоуменов» (с. 203), отъезд людей в связи с трагедией 24 февраля 2022 года, аргументируя позицию тем, что «эмигранты пытаются развалить свою страну, а остающиеся стратотерпцы пытаются ее обустроить» (с. 205). Зачем же давать эмоциям одерживать верх в философской работе и так несправедливо обобщать действия абсолютно всех эмигрантов?

В статье о Чернышевском Кантор склоняется к тому, что эмиграция вызвана боязнью человека ценой жизни ответить за свою позицию (с. 206). Конечно, этот тезис сегодня может вызвать немало споров. Во-первых, часто сам отъезд из страны выглядит как открытое заявление своей позиции, своего несогласия с тем, что происходит на Родине. Во-вторых, многие эмигранты отказываются от привычного комфортного быта, разлучаются с близкими людьми и едут навстречу неизвестности — в другую страну, где им попросту может не найтись места. Таким образом, на эмигранта можно взглянуть как на человека решительного и даже принципиального. Впрочем, это лишь один из возможных альтернативных взглядов на феномен эмиграции. Интересней в этом сюжете то, что Владимир Кантор противопоставляет судьбе эмигранта. Другими словами, как во времена политических потрясений должен вести себя человек, выбравший «судьбу-Россию»? Ответ Кантора таков: *аду можно противопоставить только верность самому себе* (с. 309). В этом ответе, как нигде ярко, раскрывается следование автора идеалам русской классики. Верность самому себе (России как судьбе) — это то, что Пушкин назвал (правда, потом эти строки перечеркнул) «самостояньем» человека, залогом его величия. Для обоих, Пушкина и Кантора, «самостоянье» раскрывается в боевой и дерзкой формуле «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Вообще Владимир Карлович, хоть прямо об этом и не пишет, но все-таки склоняется к тому, что русскую культуру можно пробудить только военным путем, что высокое предназначение России как судьбы открывается в конфликте, представляющем для страны экзистенциальную угрозу. Например, наиболее симпатичные автору исторические фигуры, Пётр Первый и Александр Пушкин (даже открывающая книгу статья посвящена «гибели Петровско-пушкинской России»), сумели осознать «свой высокий жребий среди других народов» только на фоне войны со Швецией и нашествия Напо-

леона соответственно (с. 73). Более того, Кантор, считающий Пушкина началом высокой русской культуры, ее патрицием, перенимает у поэта жизненное кредо «На поприще ума нельзя нам отступать» (помним, что, с авторской точки зрения, русская культура основана на Разуме) и отмечает в этой формуле, что она *военная*, отсылающая к баталиям Петра (с. 73).

Не совсем понятно, намеревался автор добиться такого эффекта или нет, но по прочтении книги складывается твердое убеждение в том, что «России как судьбе» спокойные времена вредны и даже противопоказаны. Создатели России (к ним Кантор относит Петра Великого, Карамзина, Пушкина, Чаадаева, Чернышевского, Достоевского, Некрасова, Замятина и других) в изложении Владимира Карловича всегда действовали в жесткой оппозиции к действительности и находили смыслы русской культуры в борьбе с несправедливыми обстоятельствами. Объяснение этому, как мне кажется, кроется в противостоянии между творцами культуры и народом, несущим в себе разрушительную стихию хаоса. Спокойные времена расслабляют человека, притупляют ум, смягчают восприятие неразрешимой оппозиции создателя и разрушителя, делают тем самым и без того хрупкую культуру еще более уязвимой. Кантор, будто опасаясь или предвидя возвращение темных времен, неоднократно предупреждает читателя: «отступление на поприще ума чревато... гибелью государства» (с. 84). И еще страшнее: «ад возможен в любом месте, где есть человек» (с. 189). Дабы снова не допустить победы безликой толпы и чтобы вернуть, наконец, на пьедестал реальный смысл русской культуры, необходимы прямота и смелость, с какими рассуждает Владимир Кантор. Только с ними можно пробудить интеллектуальные силы, способные противостоять «двойничеству» языка и суррогату культуры современности. Но чтобы интеллектуальные силы не стреляли вхолостую, чтобы умственный труд не пробуксовывал, а давал результат, выраженный в адекватных современности универсалиях культуры, по Кантору, необходим конфликт, высвечивающий высшие смыслы, запечатанные в судьбе-России (без высшего смысла, имеющего прямое выражение, жизнь превращается в разврат (с. 188)). Однако исход конфликта бывает разным: иногда побеждает Культура, а иногда верх берет Хаос. С победой Культуры ум неизбежно расслабляется и дает слабину перед темной толпой — тогда наступают эпохи Хаоса, во времена которых люди снова вспоминают о ценности разума. Подобные круговороты критики Кантора называли парадоксами его концепции⁸. Но можно взглянуть на них как на *вечный двигатель* России, приводящий маятник истории в движение (именно маятник, качающийся между полюсами разумных индивидов и безумной толпы). А концепт «России как судьбы» — попытка оттянуть маятник в положение расцвета Культуры и зафиксировать исторический момент там, на вершине Разума. Может показать-

8. См., например: Куликов А. К. (2022). Русская классика, или миф в борьбе с... мифом? // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. 6. № 3. С. 365; Порус В. Н. (2008). Имперское сознание... после империи (размышления над книгой В. К. Кантора) // Вопросы философии. № 9. С. 127–129.

ся, что Владимир Карлович, подобно Фаусту Гёте, ждет мгновения, которому стоит сказать: «Остановись!» Но в отличие от Фауста, у Кантора это не «стремление вырваться из исторического времени и культурных форм», не «отрицание традиции в пользу мгновения»⁹, а попытка раз и навсегда обжить сферу христианского разума и твердо усвоить пушкинское кредо «На поприще ума нельзя нам отступить». Задача благородная, вот только риски велики. Никто не знает, в силах ли человек остановить движение маятника. Имеющийся исторический опыт показывает, что таких сил пока у него нет, и в таком случае может стать так, что долгое и искусственное удерживание маятника в одной стороне обернется стремительным броском в противоположную, в очередной ад на земле.

Критики уже не раз отмечали, что воплощение философских идей Владимира Кантора сегодня трудно представимо ввиду их заикленности на прошлом и некоторого равнодушия или невнимательности к малопривлекательному настоящему: «Несомненно, В. К. Кантор, публикуя свои рассказы, пытается возродить утраченную традицию»¹⁰; «Философия Кантора — это не столько взгляд в будущее, сколько любование таким прошлым, которого никогда не существовало»¹¹; «Можно ли в этой исторической ситуации надеяться на победу некой наднациональной идеи “всеобщего блага”, если не только всеобщего, но и частного блага не видели и не видят сменяющие друг друга поколения? <...> Боюсь, что “имперская идея” в том ее смысле, который дорог автору книги, в сегодняшней России бессильна»¹². Очевидно, что с возвращением прежней, «реальной» культуры, на которое направлены труды Кантора, придут и старые, реальные проблемы. Философия Владимира Карловича остается в системе маятника и своей прямоотой может разве что увеличить амплитуду колебания. Для нового культурного рывка необходимо наконец вырваться из маятниковой воронки и найти принципиально новые культурные формы. Как это сделать? Ответ на данный вопрос составляет, пожалуй, главную интригу эпохи. Но одно ясно точно: без усвоения отцовского мотто, которым поделился философ и писатель Владимир Кантор, не то что построить культуру — даже прожить достойную жизнь невозможно:

Будь словом, Вова,
Плоть трава!
Оставь слова, слова, слова!

9. *Доброхотов А. Л.* (2010). Морфология хаоса, или Услышанные пророчества Достоевского // *Вторая Навигация. Альманах. Вып. 10.* Харьков: Права людини. С. 206.

10. *Гуревич П. С.* (2023). Владимир Кантор как прозаик и мыслитель // *Кантор В. К.* Россия как судьба. М.: Центр гуманитарных инициатив. С. 436.

11. *Куликов А. К.* (2022). Русская классика, или миф в борьбе с... мифом? // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* Т. 6. № 3. С. 369.

12. *Порус В. Н.* (2008). Имперское сознание... после империи (размышления над книгой В. К. Кантора) // *Вопросы философии.* № 9. С. 132.

Vladimir Kantor's Russia, or Fate in the Struggle with the Present and the Future

Book review: *Kantor V. (2023) Russia as Fate*. Moscow: Centre gumanitarnyh initsiativ. — P. 524. ISBN: 978-5-98712-932-6

Renard T. Devlikamov

Research Assistant, International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue,
HSE University

Address: 21/4 Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066 Russian Federation

E-mail: rdevlikamov@hse.ru